

Ф. П. Сергеев (Волгоград)

Наименования международно-правового документа в договорах Руси с греками X века

На матеріалі текстів X ст., представлених у російських літописах, досліджується лексика міжнародно-правового характеру, яка означає „договір” і суміжні з ним поняття. Поряд з існуючими в історії науки запропоновано авторську інтерпретацію змісту проаналізованих лексем.

Ключові слова: літопис, запозичення, калька, грецизм, старослов'янизм, синонім.

Based on the texts represented in the X century in Russian chronicles, there is researched the vocabulary of international and legal nature, meaning the notion “agreement” and the related notions. Along with the existing interpretations in the history of science, there is suggested the author’s interpretation of the contents of the lexemes under consideration.

Key words: chronicle, loanword, loan translation, Grecism, Old Slavism, synonym.

Рассмотрение данного вопроса предварим замечаниями об обстоятельствах заключения этих договоров: договор 912 (911) г. заключен после успешного похода дружины князя Олега на Византию (после поражения, нанесенного Олегом Вещим византийцам, восстанавливались дружественные отношения государств); договор 945 (944) г. заключен после неудачного похода войска великого князя Игоря Старого на Византию; подтверждены нормы договора 912 г.; договор 971 (972) г. заключен великим князем Святославом Игоревичем и содержал обязательства Руси воздерживаться от нападений на Византию [2 VIII, 1143; 19, 47].

Тексты договоров Руси с греками, сохранившиеся лишь в списках летописей (каждый из них в разных летописях то на год старше, то на год раньше; договор князя Олега 912 г. – в так называемом Ипатьевском списке 1425 г.; договор князя Игоря 945 г. и договор князя Святослава 971 г. – в Лаврентьевском списке 1377 г.), неоднократно привлекали к себе внимание лингвистов, литературоведов, историков, правоведов. Такой интерес к ним вполне понятен: это наиболее ранние памятники древнерусской письменности, памятники деловой речи, которые дают возможность судить о распространении на Руси письма уже в самом начале X в. (Как известно, собственно славянская письменность появилась в 863 г.; её официализация в болгарском государстве была осуществлена в 893 г., до этого в дипломатической переписке использовался греческий язык [1, 18]. В болгарской документальной практике грамоты возникли в X–XI вв. под влиянием Византии, где они зародились, вероятно, в конце IX или в начале X в. [2, 69]).

Несмотря на двухсотлетнюю историографическую традицию, изучение русско-византийских договоров X в. в языковедческом аспекте остается актуальным; готовится новое издание договоров Руси с греками с лингвистическими комментариями [18, 73–74; 19; 5].

Из языковедов договоры специально изучали: И. И. Срезневский (1852 г.), Н. А. Лавровский (1853), А. А. Шахматов (1915), В. М. Истрин (1925), С. П. Обнорский (1936), Б. А. Ларин (1949, 1951) и др.; из историков, правоведов и литературоведов – В. Лешков (1847), С. А. Гедеонов (1876), Н. М. Карамзин (1818), А. В. Лонгинов (1904), Г. М. Баррац (1910), В. Сергеевич (1882, 1909), И. Ф. Эверс (1835), Д. Я. Самоквасов (1908), А. Н. Сахаров (1978), Д. С. Лихачев (1946, 1950, 1952), М. Ю. Брайчевский (1980) и др. На рубеже XX–XXI вв. появились работы Т. В. Рождественской (1997, 2001), А. Б. Свердлова (1997), А. М. Введенского (2006) и др.

Понятие „договор” и смежные с ним понятия в рассматриваемых здесь памятниках X века обозначали лексемы *сѣвѣщание, написание, равьно, харатья* и *пинехруса*. Охарактеризуем некоторые из них. **Сѣвѣщание (совѣщание)**. Как обозначение международного соглашения это слово употребляется в договорах 912, 945 и 971 гг. (7 случаев; здесь приведём лишь некоторые контексты): Равно другога сѣвѣщания бывшагъ при тѣ (х) же црѣхъ Лва и Александра (Л. из Р., 912, 33); Равно другога сѣвѣщанья бывшаго при цри Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ (Л., 945, 46); Мы же сѣвѣщаньемъ (Ипатьевский и РА. сѣвѣщание) все написахомъ на двою харатью и едина харатья у цр(с)тва нашего (на ней же ё(с) кр(с) тѣ и имена наша написана, а на другои послы ваша и гости ваша – из Р) (Л., 945, 51–52); Равно другога сѣвѣщанья бывшаго при Стѣславѣ велицѣмъ князи Русѣмъ и при Сѣвѣналдѣ писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану нарицаемому Цѣмьскию (Л., 971, 72); яко же кляхъся ко црѣмъ гречьскимъ и со мною боляре и Русь вся да схранимъ правая сѣвѣщанья (Л., 971, 73).

До исследования Н. А. Лавровского господствовало объяснение *сѣвѣщания* как словесного соглашения, совещания (*Равно другога сѣвѣщания* – на основании предварительного соглашения [13, 40]. Учёный полагает, что *сѣвѣщание* – это договорная грамота, перевод греческого *το συμβόλαιον*: в современных договорам византийских памятниках имеется слово *συμβόλαιον*, „также почти буквально соответствующее нашему *сѣвѣщание* и также имеющее своё особенное, официальное значение” [13, 43 – 49]. *Равно другога сѣвѣщания* может иметь единственно следующий смысл: „Список (или даже подлинник) с другой договорной грамоты” [13, 52]. Слово *сѣвѣщание* (ср. фрагмент из договора 971 г. *схранимъ правая сѣвѣщанья*) „вероятно, есть самый список или автограф грамоты” [13, 114]. В значении „договор, договорная грамота” слово *сѣвѣщание* понимают И. И. Срезневский [26, III 683],

С. П. Обнорский [16, 212], Д. С. Лихачёв [в ПВЛ, I 222, 231, 249; II, 272 – 273] и др.

Необходимо, однако, заметить, что материалы древнегреческо-русского словаря [9], среднегреческого [35], а также русско-греческого словаря [23] и „Лексикона трёхязычного” Ф. Поликарпова [17] показывают, что значение „договор” передавалось словами *συμβόλαιον*, *συμβάσις*, *συμβολή* – соглашение, контракт, *σύμβολον* – договор (международный), *συμβόλαιος* – связанный с договорами; ‘ομολόγημα, ‘ομολογία; значение „совещание” этими словарями не отмечается, оно заключено в *συμβουλή*, *συμβούλιο* („совещание, совместное обсуждение”; а также „совет, наставление”). Можно предположить, что при переводе русичем этой заготовленной греками „преамбулы” греческого экземпляра договора стояло одно из названных выше греческих слов, которое по логике вещей должно было соответствовать в русском экземпляре слову *съглашение* или однокоренным словам: *рядь*, *урядь*, *порядь*, *обрядь*, *правьда* и т.п.; ср. их фиксацию в летописных текстах под X веком: Въ лѣтѣ 6420. Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити рядь межю Русѣ и грекы (Л., 912, 32); И поведаша вся рѣчѣ обою црѣю како сотворити мирѣ и урядь положити межю грецкою землею и русскою и клятвы не преступити ни греком ни Руси (Л., 912, 38). Однако, судя по „Материалам для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского, слово *съглашение* в X–XI вв. не употреблялось в значении „договор, соглашение”, оно имело лишь следующие значения: 1) „соглашение, соумышление”; 2) „сочетание”; 3) „общее, связь” [26 III, 688].

Однокоренные же слова *обрядь*, *порядь*, *урядь* широко использовались в русском языке того времени в значении „договор”, „условия договора”, „договор, не отражённый на письме, устный договор, условие”, „уговор” [26 II, 556, 1225 – 1226; III, 234 – 235, 263], но они не употреблялись в значении „договорная грамота, письменный документ (о мире)”. По-

следнее, по-видимому, не позволило славянскому переводчику (надо полагать, им был болгарин, которому, вероятно, не были хорошо знакомы эти исконно русские слова со значением „договор”) воспользоваться одним из приведённых выше русских слов для обозначения письменного официального документа высокого назначения (переводчик, можно предположить, не мог подобрать и более точную, более соответствующую греческому слову параллель из русского языка [ср.: 13, 50]). Словом же *съвѣщание*, согласно данным „Материалов И. И. Срезневского” [26 III, 683 – 684], передавалось 8 значений, последнее – „договор, договорная грамота” – иллюстрируется примерами лишь из договоров Руси с греками (X в.).

Допустимо и такое предположение. Некоторую неточность здесь можно объяснить и тем, что писец-„протоколист” грек и славянский переводчик мог и спутать два близкозвучащих слова *συμβολή* „соглашение” и *συμβουλή* „совещание”, *συμβόλαια* „договор” и *συμβόλια* „совещание”. „Различие между *συμβόλαιον* и *συμβούλιον* состоит почти в одном звуке, а потому переводчик весьма легко мог принять одно вместо другого, тем более что понятия, в них заключающиеся, почти тождественны” [13, 51]. И грек совместно с русичем (при согласовании перевода этой „преамбулы”) вместо русских слов *рядъ*, *порядъ*, *урядъ* и под., эквивалентных одному из греческих слов со значением „договор”, выбрали старославянизм (староболгаризм – по терминологии в болгаристике) *съвѣщание*, которому в греческом языке соответствовало слово, близкое по звучанию к слову того же языка со значением „договор”.

Возможно, наконец, и то, что автор русского текста намеренно употребил слово *съвѣщание*, так как в самом греческом языке некоторые слова со значением „договор, соглашение” и „совещание, совместное обсуждение, в результате которого приходят к совместному соглашению” были взаимозаменяемы и употреблялись одно вместо другого в ряде контекстов (это так называемые случаи метонимического переноса;

ср. русское слово *договор(ы)* первоначально употреблялось в значении „переговоры”, а затем как результат переговоров – „договор, договорный документ”; ср. и: *συμβουλευέω* – 1) „советоваться, совещаться” и 2) „договариваться, приходиться к соглашению”; глагол *συμβόλλω* – „договориться, прийти к соглашению” [см. 9, II 1532–1533; 35, II 1476–1477]: “*συμβόλαιον* – *contractus*”. Дюканж совершенно определённо указал, что *συμβόλαιον* – *contractus*, последнее было позже заимствовано русским языком из лат. *contractus* через нем. *Kontrakt* в значении „договор”.

То, что *свьѣщание* в исследуемых памятниках имеет именно значение „договор, договорная грамота”, служит свидетельство его связи, с одной стороны, с прилагательным *правый* „неизменный, верный”, с другой – с глаголом *написахомъ*: а) *яко же кляхъся ко цѣрм гречьским и со мною боляре и Русь вся да схранимъ правая свѣщанья* (Л., 971 73); б) *Мы же свѣщаньемъ* [в Ипатьевской летописи *свьѣщание*] *все написахомъ на двою харатью* (945 г.). Ср. также и такой пример из Ипатьевской летописи под 6704 (1196) г.: *Ажь любиишь с нами рядъ правый* (= договор верный, неизменный) *и в любви с нами быти, то мы любви не бѣгаем* [26 II, 1353].

Впрочем, по мнению Н. М. Карамзина, под словом *свьѣщание* надо разуместь смысл „мирные условия” [11 I, 108, прим. 411 (к дог. 971 г.)]. А. В. Лонгинов, не соглашаясь с узким пониманием Н. А. Лавровским слова *свьѣщание* лишь как „договор”, толкует его более широко: „и в значении переговоров, совещания” [Приводится по: 21, 271]. Всё сказанное даёт основание полагать, что в анализируемых нами памятниках оно значило „договор” (заметим, кстати: составитель „Памятников русского права X–XI1 веков” [ПРП I, 10, 14, 40, 60] А. А. Зимин переводит *свьѣщание* в грамотах 911, 944, 971 гг. на современный русский язык только словом *договор*; ср. и мнение В. Лешкова: „Заключая в себе статьи, принятые по общему согласию, договор назывался совещанием (трак-

татом). Он пишется на двух хартиях” [14, 17]). Для подтверждения рассмотренных выше размышлений по поводу семантики слова *съвѣщание* добавим следующее. Анализ греческих слов с приставкой *συμ-* и корневым элементом *βουλῶή* „совет”, а также старославянского *съвѣщание* позволяет говорить о том, что последняя лексема представляет собой словообразовательную кальку с греческого *συμβόλαιον* (ср. *συμ-* = „со-, вместе” в слове *симфония*, где греч. *συμφῶνια* „созвучие”; другие заимствования – *симбиоз*, *синтаксис*) и т.п. Кстати, слово *совет* (тот же корень -*вѣт-* в *вече* (оно от *ve* *тъ* „совет”, ср. оборот *новгородское вече* и другие слова: *завет*, *ответ*) заимствовано русским языком из старославянского языка, где оно представляет собой словообразовательную кальку гр. *συμβούλιον* [30, 91].

Кроме договоров, *съвѣщание* в других каких-либо дипломатических актах в интересующем нас значении не употребляется. Словари XVII–XVIII вв. не отмечают в этом слове значение „договор”.

Охарактеризуем и прилагательное-определение при существительном *съвѣщание* – **другыи**. Н. А. Лавровский его понимает как перевод греческого *ἕτερος* (*ἕτερον*) – „*другой, иной*”. „*Равно другога съвѣщания*” может иметь единственно следующий смысл: „*Список (или даже подлинник) с другой договорной грамоты*” [13, 52]. И. И. Срезневский в „*Материалах для словаря древнерусского языка*” [21 I, 728] толкует *другыи* как „*дружественный*”, приводя соответствия греческого языка: не *ἕτερον*, а *ἑταίρον*, *ἑταιρικός* – „*товарищеский, дружеский*”, *ἑταιρῆιος* – „*относящийся к дружбе*”. А. А. Шахматов считает более правильным данное И. И. Срезневским толкование этого грецизма-кальки: „... Наши договоры назывались дружественными совещаниями... Славянский переводчик вместо *ἑταίρον* (*ἑταιρῶν*, *ἑταιρείων*, *ἑταιρικός*) – „*товарищеский, дружеский*”] прочёл *ἕτερον* (тождественное по происхождению с *ἑταίρον* – „*другой*”) и передал его

через „*другаго*” [31 VIII, 390; см., например: [9 I, 676 – 678]; ср. далее так называемую „реконструкцию” словосочетания *равно другаго* Г. М. Бараца [3, 43 – 49]. Подтверждением в этом случае служит и этимология прилагательного *другой*: „**Другой**. Общеславянское. Прилагательное от существительного *другъ* „товарищ” [30, 78]. Она, как нам представляется, позволяет считать, что *другаго* в этих договорах значило „товарищеского, дружественного (договора)”.

Д. С. Лихачёв разделяет точку зрения И. И. Срезневского, переводившего слово *другаго* как *дружественный*. А. Н. Сахаров тонко заметил, что, „приняв термин *други* как *дружественный*, мы должны отказаться от понятия „список”, „копия” (так ранее понимавшееся исследователями слово *равьно*), так как дружественной копия быть не может, дружественным может быть только „договор, соглашение” [21, 272].

РАВЬНО. Слово *равьно* употреблено во вступительной части договоров 911, 944, 971 гг.: *Равно другаго свещания бывшагъ при тѣхъ же црѣхъ Лва и Александра* (Л. из Р. 912, 32); *Равно другага свѣщанья, бывшаго при цри Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ* (Л. 945, 46); *Равно другаго свѣщанья бывшаго при Сѣславѣ велицѣмъ князи рустѣмъ и при Свѣнальдѣ писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию црю гречьскому в Дерестрѣ мѣа июля индикта въ 14. лѣтѣ 6479* (Л. 971, 72). Этому слову в научной литературе было уделено достаточно внимания. До второй половины XIX в. *равьно* в приведённом выше выражении обыкновенно объяснялось как „на равнѣ, согласно” или „на основании” [34; 26 VIII, 390: „Нестор понимал заглавие, по-видимому, так, что оно означает „согласно с другим договором” [33 III, 89]: о договоре 944 г.: „Согласно с другим договором (по общепринятому объяснению оно почитается скорее за наречие)” [По 13, 40].

Но затем почти все правоведаы, историки, языковеды стали придерживаться толкования *равьно*, предложенного Н. А. Лавровским в работе „О византийском элементе в языке договоров русских с греками” [13]; (см., например: Срезневский [27 I, 313]; его же: [26 III, 10]; Шахматов [31 VIII, 383], Обнорский [16, 112]; Владимирский-Буданов [6 I, 1]; [ПРП, I]. Считая выражение „*Равьно другаго съвъщания*” греческого происхождения, Н. А. Лавровский замечает, что, во-первых, слово *равьно* употреблено как существительное, управляющее родительным падежом; во-вторых, что „это существительное употреблено независимо, отдельно, без всякой связи с предыдущими и последующими выражениями, так что невольно представляется каким-то *техническим термином*, общеупотребительным, общеизвестным на дипломатическом или вообще на юридическом языке” [13, 40]. Учёный, подкрепляя свои соображения цитатами и примерами, извлечёнными из произведений византийской письменности и их славянских переводов, пришёл к выводу, что слово *равьно* есть перевод греческого *τὸ ἴσον*, имевшего значение „копия или список с какой-либо грамоты”, буквально соответствующего оригиналу относительно самого содержания [13, 37–43, 43–46] (ср. другие и значения этого слова в греческом языке: 1) „равенство, тождество, в равном положении”, 2) „равное, одно и то же, то же самое”) ... „Особенность формы слова *равьно*, продолжает учёный, обязана единственно буквальному переводу, а может быть, и тому, что сам переводчик не понимал надлежащим образом всего рассматриваемого нами выражения” [13, 40]; то есть, как заметил А. А. Шахматов, Н. А. Лавровский объяснил, что *равьно* есть неудачный перевод греческого юридического термина *τὸ ἴσον*, означавшего „копию, список, а также вообще экземпляр” [31 VIII, 389; 32, 97]: „*Равьно другаго съвъщанья* соответствует греческому *ἴσον τοῦ ἕτερον συμβόλαιον* = „список с другого договора”. Кстати, И. И. Срезневский

первым, на год раньше своего ученика Н. А. Лавровского, высказал точку зрения о копии, списке в статье „О договоре князя Олега с греками”: „*Равно* – прилагательное среднего рода: *τὸ ἴσον, paricula, charta, copia* “противень”. Вероятно, и эта грамота была только списком с греческого подлинника” [27 I, 313]. Эта версия была поддержана и Н. А. Лавровским, и С. А. Гедеоновым [7, 57]. Советские историки в основном придерживались этой же точки зрения: перед нами копия договора 911 г. В академическом переводе „Повести временных лет” (1950) начало договора выглядит так: „Список с договора ..., заключенного при тех же царях Льве и Александре” [ПВЛ I, 222]. В „Материалах для словаря древнерусского языка” [26 III, 9 – 10] И. И. Срезневского находим это слово под заголовочной статьёй: „**Равными** – сходный, подобный: *равно* – *равное* = *равная* – копия, список (перевод греч. *ἴσον*), приводятся примеры не только из указанных выше договоров с греками, но и из двух памятников церковно-книжного содержания (7 случаев употребления прилагательного *правый*) [26 III, 9 – 10]. В заключение словарной статьи, сославшись на исследование Н. А. Лавровского, И. И. Срезневский приводит для сравнения цитату Константина Порфирородного, в которой употреблено слово *ἴσον* со значением, как полагает учёный, „список, экземпляр”. Г. М. Барац не соглашается с толкованием словосочетания *Равно другого съвѣщания*, содержащимся в работе Н. А. Лавровского, и предлагает своё понимание данного словосочетания. Используя часто практикуемый им приём исправления текста, он полагает, что в основной рукописи „заглавие договора” 912 г. начиналось словом *равнодругъ*, построенным наподобие *равноангель*, *равноапостоль* и т.п. и означавшим „список, экземпляр”, „конечная буква *г* была вынесена над строкою. Но переписчик, не поняв смысла этого речения и приняв вынесенную над строку [Так! – Ф. С.] букву *г* за сокращённое окончание косвенного падежа, написал вместо

одного слова *равнодругъ* два отдельных слова: *равно другаго*, согласовав последнее с соседним *свъщание*” [3, 47, 43 – 49]. Слово *равно*, отмечает Г. М. Барац, как имя существительное нигде в русской письменности не встречается [3, 49]. Считаем, что Ф. Тарановский справедливо критикует Г. М. Бараца за „произвольную переборку” текста [28 ХХ, вып. 2 – 3, 122 – 127]. Н. А. Лавровский доказывает, что „на современном договорам византийском языке мы находим слово, буквально соответствующее нашему *равно* и имевшее своё особенное официальное значение. Это слово есть ‘*ἴσον*’” [13, 40].

И. С. Свенцицкий также понимает выражение *Равно другаго свъщания*, как и Н. А. Лавровский. Он пишет: „Текст цього договору зредагований згідно з формами ранньої візантійської дипломатики в простих реченнях, без усяких риторичних зворотів. На початку протоколу звичайна формула – *Равно другаго совъщания, бывшаго* ..., що відповідає грецькому ‘*ἴσον τὸ ἕτερον συμβόλαιον*; після цього йшли адрес і підпис” [22 ІХ; 2, 108].

Представителем иной точки зрения был В. Н. Татищев. Его трактовка первых слов договора 911 г. выглядит так: „Противо прежде учиненного им самим [Олегом. – Ф. С.] со цари Львом и Александром” [29 ІІ, 37]. И Д. Я. Самоквасов не согласен, что речь идёт о копии. Сама глагольная форма *бывшаго* указывает на действие, происшедшее прежде, а ведь копия – это не действие, а документ [20, 8 – 9, прим. 2].

Обратимся к материалам словарей. У Дюканжа (Du Cange) в „Прибавлении” („Appendix”) к „Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis” [35, 85) находим: „‘*ἴσον*. Graecis recentioribus est quod veteribus ἀντίγραφον [копия, дубликат], simile quodvis scripti exemplar”.

Примеры не приводятся, но дана отсылка к однозначному с *τὸ ἴσον* слову *Paricla* („Vide: Glossar. med. lat. in Paricla”) (‘*ἴσον* у поздних греков означало то, что у древних (есть) „переписанное”, любой сходный образец написанного.

Равное, равная бумага (лист), образец листа с текстом”). В его же „Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis” [36 V, 97] читаем: „Paricula charta, exemplum chartae ‘ἴσον, ‘ἴσον charta pari tenore scripta ab archetypo expressa” (Paricula, равное, однозначное с ‘ἴσον (равное), в этом смысле слово *paricula* и *paricla* значило „равное”; „равный лист, образец листа, лист, написанный равным образом, переписанный с начального образца”).

Правда, следует сказать, что древнегреческо-русский словарь [9 I, 835), новогреческо-русский словарь А. А. Иоаннидиса [10, 322] не фиксируют в слове ‘ἴσον значения „копия, экземпляр, список” и т.п. Не даны к греческому слову ‘ἴσον как параллели следующие слова: *копия, экземпляр, список, оригинал, подлинник, подлинная рукопись*, например, в Русско-греческом словаре И. Синайского [1869], а в „Лексиконе трехязычном, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских...” (1704) Ф. Поликарпова слова *список, подлинный* (слова *копия, экземпляр, оригинал* не зарегистрированы в последнем).

Можно предположить, что в греческом оригинале договора не стояло слово *ἀπόγραφον*, означавшее „список, копия”, так как оба текста договора – греческий и русский – не считались копиями или списками, а „равнооригиналами”, имевшими одинаковую юридическую силу. (Как известно, из практики заключения мирных договоров Греции с другими странами или городами явствует, что тексты договоров изготовлялись в двух экземплярах (оригиналах) – на греческом языке и языке народа, с которым велись переговоры, и ни один из таких текстов не считался списком или копией [I, 24]).

С Н. А. Лавровским можно согласиться в том, что в греческом оригинале стояло именно слово ‘ἴσον. Перед русским переводчиком-„протоколистом” вступительной части договора, изготовленной греками, как предполагают учёные (например, М. И. Корнеева-Петрулан [12, 276 – 277], накопившими уже

большой опыт в деле заключения письменных договоров, стояла трудная задача: как перевести слово *ἴσον*, как уже отмечалось, имевшее в греческом языке значения: 1) „тождество, равенство”; 2) „равное, то же самое, одно и то же; лист, написанный равным образом, переписанный с начального образца”; 3) „равное расстояние”; 4) „ровное место, равнина”; 5) „справедливость” (см.: 9 I, 835). Выход был один: скалькировать греческое слово. Русским (иначе – старославянским, староболгарским) эквивалентом было *равьно*, до этого не имевшее юридического значения „экземпляр”. Гречизм и передан был праславянским субстантивированным прилагательным *равьно*, управляющим родительным падежом существительного *свъщание* (ср. праславянское существительное *право*, появившееся в языке в результате субстантивации прилагательного *правъ* в краткой форме среднего рода *право* [30, 250]).

Таким образом, в древнерусском языке появилась „вынужденная” семантическая калька или, по терминологии Ю. С. Сорокина, произошёл процесс „семантической индукции”: не просто буквальный перевод словом одного языка слова другого языка, но и воздействие семантики иноязычного слова на семантику слова заимствующего языка [25, 165 – 166]. У слова *равьно* появилось окказиональное юридическое значение „экземпляр”. (Слово *равьно(е)* в русском языке и *ἴσον* в греческом имели одинаковые прямые значения – „равное, то же самое, одно и то же, тождественное”. Но в греческом *ἴσον* имело и значение „лист (грамота), написанный равным образом, переписанное с начального образца, экземпляр, копия и т.п.”. Это значение и было придано русскому слову *равьно*). Следовательно, перевод слова можно считать удачным с точки зрения полного соответствия одному из специальных (юридического) значений слова греческого языка.

Поэтому начало вступительной части текста („преамбулы”) упомянутых договоров можно читать так: *Тождест-*

венный (равный, идентичный) греческому русский текст дружественного договора (свьѣщания) ... или Равный греческому русский экземпляр (=русский подлинник) дружественного договора (свьѣщания)... (ср. у А. А. Зимина [ПРП I, 10, 15]; ср. по Н. А. Лавровскому: *Список с другой грамоты*; речь идёт не о какой-то другой грамоте, а о подлиннике (русском экземпляре) этого же договора 911 г. (другие международно-правовые соглашения Руси с греками в русских летописях не упоминаются).

Что же касается дальнейшей судьбы слова *равно* с рассмотренным выше международно-правовым значением, то надо сказать, что проследить её не представляется возможным, так как данное слово засвидетельствовано в договорах, в двух других памятниках церковного содержания XI века (см. о них в: 21 III, 9 – 10).

Литература

1. Александров Емил. Документы дипломатической практики Первого болгарского государства // *Palaeobulgarica XII / Старобългаристика*. – София. – 1988. – № 3. – С. 15 – 25.

2. Александров Емил. Дипломатические документы Второго болгарского государства // *Palaeobulgarica XII / Старобългаристика*. – София. – 1988. – № 4. – С. 64 – 75.

3. Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией : Восстановление текста, перевод, комментариев и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности – с Русской Правдой / Барац Г. М. – Киев : Тип. І Киев. артели печ. дела, 1910. – 278 с. – репринтная копия

4. БСЭ (Большая Советская Энциклопедия) / Под ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – Москва : Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 8.

5. Введенский А. М. Договоры Руси с греками X в.: Клятва Святослава Игоревича; Проблемы интерпретации выражения „*колоти яко золото*” // Труды Отделения древнерусской литературы LVII. – СПб., 2006. – С. 916 – 926.

6. Хрестоматия по истории русского права / Сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. – 5-е изд. – Вып. 1. – К., 1885. – 249 с.

7. Гедеонов С.А. Варяги и Русь: Историческое исследование в 2-х частях. – Спб. : Типография Императорской Академии наук, 1876. – 714 с.

8. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; Л. : Учпедгиз, 1949. – 510 с. (2-е изд., Ленинград : Госполитиздат, 1953).

9. Древнегреческо-русский словарь [Текст] : около 70000 слов (в обоих томах) / Сост. И. Х. Дворецкий; под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР, проф. С. И. Соболевского ; с прил. грамматики, сост. С. И. Соболевским. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. 1. – 1043 с. Т. 2. – 1044 с.

10. Новогреческо-русский словарь [Текст] : около 40000 слов / Сост. А. А. Иоаннидис; под ред. А. А. Белецкого. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 1419 с.

11. Карамзин Н. М. История государства Российского : В 12 т. [Текст] / Н. М. Карамзин. – Спб. : Типография Н. Греча, 1892 (1-е изд. 1818). – Кн. 2.

12. Корнеева-Петрулан М. И. К изучению состава и языка договоров русских с греками // Уч. зап. Моск. ун-та. Русск. яз., 1952. – Вып. 150. – С. 271 – 295.

13. Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками : Рассуждение, представленное в ист.-филол. факультете имп. С.-Петербургского ун-та Н. Лавровским. – Спб. : Тип. имп. АН, 1853. – 160 с.

14. Лешков В. Н. О древней русской дипломатии : Речь, произнесенная в торж. собр. Имп. Моск. ун-та 17 июня 1847 г. М., 1847. – 88 с.

15. Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке : Ист.-юрид. исслед. / А. В. Лонгинов. – Одесса : Экономическая тип., 1904. – 163 с.

16. Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками // С. П. Обнорский. Избр. тр. по русск. яз. – М. : Учпедгиз, 1960. – С. 99 – 120.

17. Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных

древних и новых книг собранное, и по славенскому алфавиту в чине расположенное. – М. : Печатный двор, 1704. – 403 с.

18. Рождественская Т. В. Язык договоров Руси с греками X в. : Концепция Б. А. Ларина и перспективы исследования // Восточная Европа в древности и средневековье : Межд. договорная практика Древней Руси. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 16 – 18 апреля 1997 г. : Мат. к конф. – М., 1997. – С. 74 – 78.

19. Рождественская Т. В. Об отражении устной и письменной традиций в договорах Руси с греками X в. (*речи – писати; рота – клятва*) // Норна у источника Судьбы. Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой. – М. : РАН ИВИ, 2001. – С. 333 – 339.

20. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. – М. : Синод. тип., Тип. Моск. ун-та, 1908. – 815 с.

21. Сахаров А. Н. Русско-византийский договор 907 года : реальность или вымысел летописца? // Вопр. истории. – 1978. – № 3. – С. 98 – 115.

22. Свенціцький І. С. Питання про автентичність договорів Русі з греками в X віці // Вопр. славянського язукознаання. Уч. зап. Львовск. ун-та. – Львов, 1949. – Кн. 2. – С. 103 – 122.

23. Русско-греческий словарь / Сост. И. Синайский. – М. : [б.и.], 1869. – 730 с.

24. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия : в 2 т. / Авт.-сост. В. В. Богуславский. – М. : Олма-Пресс, 2003. – Т. 1. – 784 с.

25. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. – М.; Л. : Наука, 1965. – 565 с.

26. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. – СПб., 1893–1912. Т. 1 – 3.

27. Срезневский И. И. О договоре князя Олега с греками // Известия АН ОРЯС. СПб., 1852. – Т. I, вып. 7. – С. 309 – 326.

28. Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI – XIV вв. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1885. – 261 с.

29. Тарановский Ф. [Рец.] : Г. М. Барац Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Восстановление текста, перевод, комментарий в сравнении с другими правовыми памят-

никами, в частности с Русской Правдою. – Киев, 1910. – 265 с. // Византийский Временник. – Вып. XX. – Отд. II. – С.122 – 127.

30. Татищев В. Н. История Российская. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 350 с.

31. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М. : Прозерпина, 1994. – 400 с.

32. Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества. – Пг., 1915. – Вып. VIII. – С. 391 – 395.

33. Шлёцер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке [Текст] / сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлёцером ; перевел с нем. Д. Языков. – СПб. : Печатано в Императорской тип., 1809. – 708 с.

34. Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии : Пер. с нем. И. Платонова. – СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. вн. стражи, 1835. – 447 с. – репринтная копия

35. Du Cange, Charles du Fresne. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis / Du Cange, Charles du Fresne. Lugduni : apud Anisson. J. Posuel et C. Rigaud, 1688. – Vol. 2.

36. Du Cange, Charles du Fresne. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis / Du Cange, Charles du Fresne, and G. A. Louis Heschel : Seven volumes. – Paris : Didot, 1840 – 1850. – Vol. 5.

Список сокращённых названий источников

Ип – Ипатьевская летопись // Памятники средневековой литературы 2-е изд. / под ред. А. А. Шахматова. – М., 1962. – Т.2.

Л – Лаврентьевская летопись и Суздальская летописи // Памятники средневековой литературы. 2-е изд. Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1872. – Т.1 (включает Суздальскую, или Московско-Академическую летопись).

ЛА – Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // Памятники средневековой литературы / под ред. А. Ф. Бычкова и К. Н. Бестужева-Рюмина. – СПб., 1889. – Т.16.

ПРП – Памятники русского права / Сост. А. А. Зимин ; под ред. проф. С. В. Юшкова. – М., 1952. – Вып. I : Памятники права Киевского государства.

ПВЛ – Повесть временных лет : По Лаврентьевской летописи 1377 г. ; ист.-лит. очерк в 2 ч. / Пер. с древнерус. яз. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Ч. I. Текст и перевод. Ч. 2. Приложения; статьи и комментарий Д. С. Лихачева. – М.; Л., 1950. – Ч. 1 – 2.

Р – Радзивилловский список „Повести временных лет” (см. ПВЛ)
// Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. – СПб., 1902.